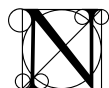

Даниэла
тш

Даниэла
тмл

Семейный
альбом

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С 11

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
FAMILY ALBUM

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко*
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения Benitreto Productions, LTD.
и литературных агентств Moton L. Janklow Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С 11 Семейный альбом : [роман : перевод с английского] /
Даниэла Стил. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. —
(Даниэла).

ISBN 978-5-17-089792-6

Это — история Фэй Прайс, богини киноэкрана. История великой актрисы, режиссера, легенды, жены, матери, возлюбленной. История женщины, которая многого требовала от близких, но и сама отдавала им себя без остатка. История судеб ее сильных, красивых, целеустремленных детей, которых она воспитала и которыми гордилась по праву...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Benitreto Publications, 1985
ISBN 978-5-17-089792-6 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Моей семье: с любовью — Беатрис, Тревору, Тодду, Николасу,
Саманте, Виктории и Ванессе и особенно — от всего сердца — Джону*

«Бог посылает отшельников в семьи» — утешительные слова из Библии. ...в семьи, которые строятся на крови, на обязательствах, на необходимости, на желании... и иногда, если очень повезет, на любви. Это слово символизирует твердость, каменный фундамент, место, куда приходят... из которого вырастают... которое покидают, помня о своих корнях. Это эхо всегда звучит в груди, эти воспоминания словно вырезаны из слоновой кости, из бивня, раскрашенного сверкающими красками. Краски блекнут, тени становятся глубже, воспоминания почти стираются, но никогда не забываются до конца. Место, где жизнь начинается и, как хотелось бы надеяться, заканчивается... дом, который каждый хочет построить по своему усмотрению... башня, устремленная в небо... Семья... какие колдовские образы... какие воспоминания... какие мечты...

Пролог. 1983

Солнце светило так ярко, что приходилось щуриться, а было всего одиннадцать утра. Легчайший ветерок шевелил волосы. День выдался прекрасный, до щемящей боли в сердце. Стояла удивительная тишина — лишь слышалось негромкое чириканье, внезапный вскрик, щебетание птиц, и над всем этим плыл аромат цветов: лилий из долин, гортензий, фрезий, утопавших в мшистом ковре. Но Вард Тэйер ничего этого не замечал. Он закрыт: глаза, потом открыл и уставился перед собой, как зомби: бесцветные глаза, бессмысленный взгляд. Таким его не видел никто за последние сорок лет. В это утро Вард Тэйер не был ни решительным, ни красивым. Не двигаясь, он стоял в ярких лучах солнца, точно слепой. Снова закрыв глаза, крепко-крепко сжав веки, он думал, что хорошо бы никогда не открывать их, как уже никогда не откроет их она.

Голос, как мягкое жужжание, донесся откуда-то со стороны, какие-то слова... Но для него они значили не более, чем гудение пчелы над цветами. Он ничего не чувствовал. Ничего. «Почему? — спрашивал он себя. — Или все это неправда?» Внезапно его охватила паника... Он не мог вспомнить ее лицо... прическу... цвет глаз... Вард резко открыл глаза, разлепив веки, как расплюют стиснутые руки или отдирают присохший бинт. Солнце на миг ослепило его, но он отметил лишь вспышку света и ощутил аромат цветов, услышал, как лениво прожужжала пчела и как пастор произнес ее имя: Фэй Прайс Тэйер. Приглушенный звук хлопущки слева, слепящая вспышка камеры — и в этот момент женщина, стоявшая рядом, коснулась его руки.

Он посмотрел на нее сверху вниз — глаза постепенно привыкали к свету — и вдруг вспомнил. Все забытое отразилось в глазах его дочери. Эта молодая женщина так похожа на Фэй, хотя они были очень разные. Такой женщины, как Фэй Тэйер, больше никогда не будет на свете. Все знали это, но лучше всех

знал он. Вард посмотрел на хорошенькую блондинку, вспоминая Фэй и молча тоскуя по ней.

Его дочь стояла рядом — высокая, осанистая, но, конечно, не такая красивая, как мать. Прямые светлые волосы собраны в пучок на затылке; около нее — серьезный мужчина, то и дело дотрагивающийся до ее руки. Все они теперь жили самостоятельно, каждый по-своему, отдельно, однако были частью единого целого, частью Фэй, как и его самого.

Неужели она и вправду умерла? Это казалось невозможным. Слезы покатались по его щекам; дюжина фотографов рванулась вперед, чтобы запечатлеть искажившую его лицо боль и заполнить ею первые страницы газет всего мира. Вдовец Фэй Прайс Тэйер. Он и в смерти принадлежал ей, как принадлежал в жизни. Все они принадлежали ей — дочери, сын, коллеги, друзья, все пришли сюда, чтобы поклониться памяти женщины, ушедшей навсегда.

Семья стояла рядом с ним, в первом ряду. Дочь Ванесса, ее молодой человек в очках, а рядом — сестра Ванессы, Валери, с волосами цвета пламени, золотистым лицом, в черном платье совершенного покроя, которое так ее облегалo, что захватывало дух; подле нее стоял столь же великолепный мужчина.

Они являли собой такую прекрасную пару, что глаз не ответи; и Варду было приятно на них смотреть — Вэл так похожа на Фэй. Никогда прежде он не замечал этого, а вот сейчас заметил... И Лайонел тоже очень похож на нее, хоть и не так ярк. Высокий красавец блондин, элегантный, утонченный, изысканный, горделивый, стоял глядя куда-то вдаль, вспоминая всех тех, кого знал и любил... Грегори и Джон, потерянный когда-то брат и навсегда ушедший драгоценный друг. Лайонел думал и о том, что Фэй понимала его лучше, чем кто-либо другой, даже лучше, чем он сам знал себя... и так же хорошо, как он знал сестричку Энн, стоящую рядом с ним, ставшую еще красивее, гораздо более уверенную в себе, но по-прежнему очень юную, от чего контраст с седым человеком, державшим ее за руку, был очень разительным.

Они все собрались здесь, в самом конце скорбного пути каждого смертного, пришли воздать должное актрисе, режиссеру, легенде, жене, матери, другу. Были здесь те, кто завидовал ей, и те, от кого она слишком много требовала. Ее родные знали об этом лучше других: она слишком многого ожидала от них, но и сама отдавала себя без остатка, доходя порой до полного из-

неможения. Вард вспоминал все это, глядя на собравшихся, окунаясь в прошлое, возвращаясь памятью к их первой встрече на Гвадалканале. А теперь все они здесь, и каждый помнил ее такой, какой она была, какой была когда-то, какой была для них всех. Море людей в ярком солнечном свете Лос-Анджелеса. Весь Голливуд собрался ради нее. Последнее прощание, последняя улыбка, осторожная слеза. Вард оглядел семью, которую создал вместе с ней, всех своих детей, таких сильных, красивых... Такой была и сама Фэй. Как бы она гордилась сейчас, если бы могла видеть их всех вместе, подумал он, и слезы снова обожгли его глаза. Она ушла... Как в такое поверить? Ведь только вчера... только вчера они были в Париже... на юге Франции... в Нью-Йорке... на Гвадалканале.

Глава 1

Гвадалканал. 1943

Жара в джунглях была изнуряющая, и, даже неподвижно стоя на месте, казалось, что плывешь сквозь плотный густой воздух. Похоже, его можно не только чувствовать, но нюхать и трогать. Мужчины теснили друг друга, желая увидеть ее, оказаться чуть ближе, разглядеть как следует. Их плечи соприкасались; они сидели бок о бок на земле, скрестив ноги. Впереди стояли складные стулья, но мест не стало хватать еще несколько часов назад. Они сидели здесь очень давно, с заката жарились на солнце, потели и ждали. Казалось, они уже сто лет сидят тут, в густых джунглях Гвадалканала, и им уже наплевать на все. Мужчины ждали бы ее и полжизни, если надо. Она была для них сейчас все — мать, сестра, подруга, женщина... Женщина. В воздухе плыл густой гул; наступили сумерки, а они сидели, разговаривали, дымили, пот ручьями струился по шеям и спинам, лица блестели, волосы взмокли, а форма прилипла к телу, и все они были такие молодые, почти дети... и в то же время уже не дети. Мужчины.

1943 год. Они уже не помнили, сколько времени торчат здесь, и каждый гадал, когда же наконец кончится война, если вообще когда-нибудь кончится. Но сегодня ночью о войне никто не думал, кроме тех, кто был в наряде. И большинство мужчин, ожидавших ее сейчас, отдали всю «валюту» — от плиток шоколада и сигарет до холодных тяжелых монет, лишь бы увидеть ее... Они готовы были на все, чтобы снова видеть Фэй Прайс.

Когда заиграл оркестр, жара уже несколько спала и воздух наполнила чувственность. Все ощутили, как встрепенулись их тела, чего давно уже не бывало. Это не голод — чувство было более глубоким и нежным и наверняка испугало бы их, продлись еще. Они ощутили первое движение плоти только сейчас, когда ждали ее. При звуках кларнета у каждого дико забился пульс.

Музыка перевернула душу, стиснула болью сердце; они затаили дыхание, застыли. Сцена была пуста, темна... и внезапно в неясном свете они увидели ее. Тонкий лучик выхватил Фэй откуда-то издалека. Сначала нашел ее ноги, потом — всплеск серебра, яркое сияние, точно исходящее от падающих звезд в летнем небе... Мужское нутро заныло, и тут она явилась им во всем блеске. Полное совершенство, божество в серебряном парчовом платье. Раздался единый вздох мужчин, смотревших на нее, и в нем смешались желание, экстаз и боль. Ее оттененная великолепным серебряным платьем кожа напоминала бледно-розовый бархат. Длинные светлые распущенные волосы цвета спелых персиков. Огромные глаза искрились, губы улыбались, она протягивала к ним руки, а голос был глубже, чем у любой женщины, которую они могли вспомнить. Она была красивее всех, известных им раньше... Она плавно двигалась по подмосткам, и платье открывало немислимо изящные, безупречные бедра.

— О боже... — пробормотал кто-то в заднем ряду, и все вокруг невольно улыбнулись.

Все они чувствовали то же, что и этот парень. До последнего момента они не верили, что такая знаменитость выступит перед ними. Фэй Прайс давала подобные представления по всему миру — Тихий океан, Европа, Штаты. Через год после Перл-Харбора всех, кто не воевал, охватило чувство вины, и она стала гастролировать. Это длилось уже больше года. Недавно Фэй прервала гастроли, чтобы сняться в очередном фильме, но теперь снова отправилась в путь... И сегодня она здесь, с ними.

Чем больше она пела, тем все более скорбным становился ее голос, и сидевшие в переднем ряду видели, как пульсирует жилка на стройной шее. Она была живая... она была человеческой плотью... О, если бы они могли дотянуться до самодельной сцены, дотронуться до нее, почувствовать ее, вдохнуть запах тела. Они ловили ее взгляд, и мысль, что Фэй Прайс смотрит в глаза именно ему и никому больше, пела в каждом из них.

В двадцать три года Фэй Прайс уже стала голливудской легендой. В первом фильме она снялась, когда ей было девятнадцать, и с тех пор быстро понеслась по дороге успеха. Красивая, яркая, она необыкновенно хорошо делала все, за что бы ни бралась. Ее голос напоминал то расплавленную лаву, то плавящееся золото, волосы сверкали, точно вечерний закат, зеленые глаза на лице цвета слоновой кости искрились, как изумруды. Но дело было не в чертах лица или голосе, не в коже, не в стройной изящ-

ной фигуре, не в мягких округлостях бедер, налитых грудях, а в том огне, который горел в ней, светился в ее глазах, смехе, голосе, даже когда она просто разговаривала, — вот что покоряло мир. Она была женщиной в самом прекрасном смысле этого слова. Она была такой, что все мужчины жаждали прильнуть к ней губами, женщины не могли оторвать от нее глаз, дети любовались ею. Она была похожа на принцессу из далеких, давних грез.

Закончив школу, Фэй приехала в Нью-Йорк из маленького городка в Пенсильвании и стала фотомodelью. За шесть месяцев она добилась большего, чем любая другая девушка из этого города. Фотографы обожали ее, и лицо Фэй смотрело с обложек почти всех мало-мальски приличных журналов страны; по секрету она признавалась друзьям, что ей скучно. От нее так мало требуется, говорила Фэй, всего ничего — просто позировать. Она пыталась объяснить это, но девушки смотрели на нее как на сумасшедшую. И только двое мужчин поняли, что она собой представляет. Один из них, Эйб Абрамсон, позднее стал ее агентом, а другой, Сэм Уормэн, продюсером — он-то вовремя догадался, что это золотая жила. Обратив внимание на ее фотографии на обложках, он отметил — хорошенькая, но когда встретился с ней, понял, что она великолепна. Ее движения, взгляд, а какой голос... Сэм в ту же секунду смекнул, что эта девушка выстоит в борьбе. Он инстинктивно почувствовал, что ей плевать на все, что вокруг, вне ее. То, что говорил о Фэй Эйб, было правдой. Она была потрясающая. Уникальная. Звезда. Ко всему, что Фэй Прайс желала, она стремилась всем существом. Она жаждала работать, выполнять все его требования. И он требовал. Давал ей шанс, о котором она так мечтала. Эйбу не пришлось долго ее уговаривать. Сэм привел Фэй в Голливуд и дал роль в фильме. Маленькую роль, проходную. Но ей каким-то чудом удалось влезть автору под кожу. Бывали моменты, когда тот откровенно признавался, что лишится с ней рассудка, но она настолько глубоко прочувствовала эту роль, что зрители были в восторге и от фильма, и от нее. Роль была немного смелой, но от того, как она засветилась, пропущенная через игру Фэй Прайс, у людей перехватывало дыхание. Что-то магическое было в ней, полудевочке, полуженщине, из эльфа превращавшейся в сирену, а потом наоборот. Она умела вызывать всю гамму человеческих чувств одной только мимикой и игрой невероятно глубоких зеленых глаз. После этой роли ей сразу предложили еще две, а за четвертый фильм

Фэй Прайс получила «Оскара». За четыре года после первой роли она снялась в семи фильмах, а на пятом в Голливуде вдруг обнаружили, что Фэй еще может петь, что она и делала сейчас — пела, выворачивая душу наизнанку, разъезжая по всему миру. Всю себя и все сердце она отдавала этим мужчинам, как и всегда, когда что-либо делала. Фэй Прайс была цельным человеком; в двадцать три года в ней уже никто не видел девчонку, она была женщиной. И мужчины понимали это. Смотреть, как Фэй Прайс движется по сцене, слышать ее пение, видеть ее перед собой — значило понять, чего хотел Господь Бог, создавая женщину. Она была совершенна, и сегодня вечером каждый смотревший на нее жаждал прикоснуться к ней хотя бы на секунду, оказаться в ее объятиях, нежно прижаться к ней губами, провести рукой по светлым шелковистым волосам... Они мечтали ощутить ее дыхание на своих плечах... услышать тихий стон. И вдруг стон раздался, и совсем не тихий, это расчувствовался какой-то парень, впившись в нее глазами; послышался чей-то хохоток, но ему было плевать на это.

— О дьявол... Фантастика! — Глаза парня загорелись, как у ребенка на Рождество.

Мужчины понимающе заулыбались. Сперва они рассматривали Фэй Прайс в полном молчании, но уже минут через тридцать не в силах были сдерживать эмоции — закричали, засвистели, протянули к ней руки, завыли. После последней песни они орали так долго и неистово, что она спела еще пять или шесть «на бис» и лишь после этого покинула сцену, скрывая наворачнувшиеся слезы. Какую же малость могла она для них сделать — спеть несколько песенок, поразить серебряным платьем, разрешить увидеть кусочек женской плоти — множеству мужчин в ночных джунглях за пять тысяч миль от дома. Кто знает, сколько из них вернутся? От этой мысли сердце ее разрывалось на части. Вот почему она приехала сюда, вот почему должна сделать все для них. Приезжая к солдатам, она позволяла себе выглядеть соблазнительной сиреной, а не невинной девушкой. Дома она скорее умерла бы, чем появилась на людях в платье с разрезом чуть не до пупка, но раз именно такой хотели ее видеть эти разгоряченные, но опустошенные мужчины, она не должна лишать их иллюзорного удовольствия. В конце концов, они его заслужили.

— Мисс Прайс? — окликнул ее адъютант командира, когда она сошла со сцены. Фэй быстро повернулась к нему, а в ушах все еще стояли вопли мужчин.

— Да? — живо ответила она.

Лицо и грудь актрисы были влажны от пота, и он подумал, что более красивую женщину он вряд ли когда-либо видел. Дело даже не в прекрасных чертах лица — она вызывала желание прикоснуться к ней, обнять... от нее исходило нечто, чего он никогда раньше не испытывал. Что-то магическое, неясное, чувственное — ее хотелось поцеловать, даже не спросив имени. Фэй уже было пошла к мужчинам, вызывающим к ней, но он инстинктивно протянул руку и коснулся ее, ощутив вдруг невообразимое спокойствие. И почувствовал себя полным идиотом. Смешно. Кто она такая, в конце концов? Еще одна звезда экрана, расфуфыренная, покрашенная, и если в ней что-то и есть, так это профессионализм — как актриса она получше других. Иллюзия, не так ли?.. Но он понял, что ошибся, как только встретился с ней взглядом и она улыбнулась ему. В этой женщине нет ничего поддельного. Она была настоящей.

— Я должна вернуться туда. — Фэй махнула в сторону сцены и шума, стараясь четко выговаривать слова, чтобы в этой многоголосице он мог понять их по губам. Он кивнул и прокричал:

— Командир приглашает вас поужинать с ним.

— Спасибо.

Отведя глаза, она отошла и вернулась на сцену.

Еще полчаса Фэй пела веселые шлягеры, и все охотно подпевали ей. А в конце исполнила балладу, и мужчины едва сдерживали слезы. Она уходила со сцены, словно обнимая каждого, желая спокойной ночи и целуя, как это делали их матери, жены, любимые — все, кто остался дома...

— Спокойной ночи, друзья... Да благословит вас Господь... — охрипшим голосом произнесла она, и шум внезапно сменился тишиной.

Расходились молча, не разговаривая друг с другом. Дивный голос до сих пор звенел в их ушах. Они накричались, нааплодировались и теперь хотели только в постель — лениво думать о ней, вспоминать слова песен, ее лицо, руки, ноги и губы, которые, казалось, целовали именно его, его одного, улыбались, а потом вдруг смыкались, и лицо Фэй становилось серьезным. Они вспоминали ее прощальный взгляд, не сомневаясь, что еще долго будут помнить его. Сейчас у них больше ничего нет, и Фэй это понимала. И щедро дарила им себя.

— Вот это женщина! — Сержант с толстой шеей произнес слова, столь несвойственные ему. Но никто не удивился, потому

что Фэй Прайс в каждом открыла что-то особенное, вселила надежду в их души и сердца.

— Да-а-а... — такой возглас многократно повторялся этой ночью.

Те, кто вместо концерта стоял в карауле, пытались притвориться, что им все равно. Но в конце концов никому не пришлось мучиться и огорчаться. Просьба звезды была неожиданной, но приятно удивила командира. Он даже дал ей в помощь своего адъютанта. Фэй Прайс попросила разрешения пройти по всей базе и встретиться с солдатами, стоявшими на посту. К полуночи она пожала руку каждому. Так что все караульные встретились с ней лицом к лицу, заглянули в невероятно зеленые глаза, ощутили пожатие прохладной, сильной, дружелюбно протянутой руки. Неловко улыбаясь, каждый чувствовал себя особо отмеченным — и те, кто слышал ее пение, и те, которых она навестила позже. В итоге довольны были все.

В двенадцать тридцать Фэй повернулась к молодому человеку, сопровождавшему ее, и увидела, что глаза его засветились теплом. Сперва он был другим, но постепенно эта девушка завоевала и его. Ему весь вечер хотелось сказать ей об этом, но не было подходящего момента. Сначала он весьма скептически отнесся к ней — холодная мисс Фэй Прайс, штучка из Голливуда... что она о себе возомнила! Подумаешь, заявила с каким-то шоу к солдатам на Гвадалканал. Они через такое прошли, столько повидали, пережили Мидвэй и Коралловое море, ужасы морских боев, выиграли множество сражений. Удержали Гвадалканал! Что она об этом знает? Так думал Вард Тэйер, впервые увидев Фэй. Но после часов, проведенных рядом, стал относиться к ней по-другому. В ее взгляде сквозили искренний интерес и забота; он видел, как актриса смотрит солдатам в глаза, забывая о своем очаровании, поглощенная только ими; в ней было нечто, вызывающее чувства, которых они никогда не испытывали: ласку, тепло, сострадание к ней, и это еще больше усиливало исходящий от нее сексуальный призыв.

Молодой лейтенант столько хотел бы сказать ей, прежде чем кончится ночь, но ему показалось, что Фэй заметила его присутствие только после завершения обхода базы. Она повернулась к нему с усталой улыбкой, и на миг ему захотелось прикоснуться к ней, проверить, насколько она реальна, не приснилась ли. Он хотел успокоить ее после долгой тяжелой ночи. Ни он, ни она еще не знали, что впереди их ждут два года разлуки...